

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. О ДВУХ РУССКИХ ТИПАХ ВОСПРИЯТИЯ ГЕРОИЗМА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д.Е. Цыкалов

Аннотация. Статья посвящена взглядам С.Я. Елпатьевского на феномен героизма в годы Первой мировой войны. Это первое в исторической науке исследование военной публицистики писателя. На его творчество периода 1914–1918 гг. большое влияние оказала общественная атмосфера войны: патриотический подъем и ненависть к врагу. Общаясь непосредственно с участниками войны в госпитале, где он трудился добровольцем, Елпатьевский пришел к выводу о том, что отношение к войне, героизму и подвигу в обществе неоднозначно. Солдаты-крестьяне воспринимали войну иначе, чем горожане и образованные солдаты. Под свои наблюдения писатель подвел солидную теоретическую базу, основанную на творчестве Л.Н. Толстого, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова и социальной психологии. В основе ментальных отличий, считал Елпатьевский лежит оппозиция коллективизм/индивидуализм. Отсюда и противоречия в восприятии героизма. С одной стороны, героизм воспринимался как проявление индивидуального мужества и храбрости. С другой — настоящий герой — это герой «без героизма», который не подозревает, что делает геройское дело. Концепция Елпатьевского — не бесспорна. Он резко противопоставляет две группы русского общества друг другу, Россию и Запад, политизирует историю. Вместе с тем некоторые его идеи созвучны выводам современной этнопсихологии. Предугадал Елпатьевский и поведение солдат-крестьян после революции 1917 г.

Ключевые слова: героизм, Первая мировая война, российская публицистика, либеральное народничество, патриотический подъем, образ врага, Германия, русский национализм, психология народа, психология образованных страт, коллективизм, индивидуализм.

SERGEY ELPATYEVSKY ABOUT TWO RUSSIAN ATTITUDES TO HEROISM DURING THE FIRST WORLD WAR

D.E. Tsykalov

Abstract. This article is devoted to S.Y. Elpatyevsky's views on the phenomenon of heroism during the First World War. This is the first study of the writer's military journalism in historical science. His work of the period 1914–1918 was greatly influenced by the social atmosphere of war (patriotic enthusiasm and hatred of the enemy). Communicating directly with participants of the war in the hospital, where he worked as a volunteer, Elpatyevsky came to the conclusion that the attitude to the war, heroism, and heroism in society is ambiguous. Soldiers-peasants perceived war differently than urban dwellers and educated soldiers. Under their observation, the writer summed up a solid theoretical basis: L.N. Tolstoy, V.O. Klyuchevsky, P.N. Milyukov and social psychology. Elpatyevsky believed that in the basis of mental differences lie the opposition collectivism/individualism. Hence there are contradictions in the perception of heroism. On the one hand, heroism was perceived as a manifestation of individual courage and bravery. On the other hand, the real hero is a hero "without heroism" who does not suspect that he is doing a heroic deed. The concept of Elpatyevsky is not indisputable. He sharply opposed two groups of Russian society to each other, Russia and the West, he politicized history. However, some of his ideas are in tune with the findings of modern science. Elpatyevsky predicted also the behavior of the soldiers-peasants after the 1917 revolution.

Keywords: the heroism, the First World War, the Russian journalism, liberal populism, Patriotic enthusiasm, the image of the enemy, Germany, Russian nationalism, the psychology of folk, psychology of the educated stratum, collectivism, individualism.

Современное социо-гуманитарное знание относит героизм к девиантному поведению со знаком «плюс», акцентируя, что героизм – феномен не обыденного порядка, исключение из общих правил. Тогда как метафора «герой нашего времени» скорее имеет значение: «типичный представитель эпохи», типаж, часто встречаемый в «наших широтах». Следует, однако, заметить: в истории есть эпохи, когда героизм из девиации превращается в повседневную норму, а герои становятся типажам, таковыми эпохами являются войны. Сегодня, когда военный героизм и почитание героев войн (иногда даже мифических) становятся элементом государственно-патриотического культа, повышенный интерес вызывают свидетельства современников войн. Как к героизму, подвигу и храбрости относились они?

Изучая журнальную публицистику времён Первой мировой войны в либерально-народнических «Русских записках» за 1915 г., автор настоящего исследования обнаружил статью Сергея Яковлевича Елпатьевского «Ничего не поделаешь» (О войне, о русской храбрости, героизме и о прочем). Рассуждения о сущности героизма в журнальной публицистике Первой мировой войны встречались крайне редко, а столь подробный анализ этого феномена – вообще уникальный для этого периода случай. Уже по этой причине его статью нельзя было оставить без внимания.

Творчество С.Я. Елпатьевского (1854–1933) сегодня порядком подзабыто и известно лишь узкому кругу литературоведов и историков. Он родился в семье сельского священника. В 1870-е гг., обучаясь в Московском университете на врача, Елпатьевский сблизился с революционными народниками. За свою политическую деятельность неоднократно подвергался ссылкам и тюремным срокам. Однако впоследствии отошёл от радикализма. В 1891 г. переехал в Крым, где лечился от туберкулеза. Дом Елпатьевского стал центром культурной жизни Ялты. У него часто бывали А.П. Чехов, М. Горький, А.И. Куприн, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин. Горький сказал о Елпатьевском: «русский литератор с головы до ног», «обладатель неисчерпаемого сокровища любви к людям». Ленин назвал Елпатьевского «внимательным наблюдателем русской обывательской жизни, настроением которой он “чутко” поддается». Среди авторов, близких Елпатьевскому по идейной направленности, Г.И. Успенский, С. Каронин, Г.А. Мачтет, В.Г. Короленко, Н.Г. Гарин-Михайловский.

В Ялте Сергей Яковлевич получил личное дворянство. Медицинскую практику он совмещал с литературной деятельностью, писал корреспонденции и статьи в столичные газеты и журналы и по-прежнему принимал активное участие в политике. После революции 1905 г. Елпатьевский стал членом партии народных социалистов. Энесы строили свою программу на традициях либерального народничества и отличались от прочих социалистических партий, тем, что допускали сохранение монархии.

В годы Первой мировой войны писатель выступал с патриотических позиций. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Елпатьевский в 1914 г. по возрасту не подлежал призыву, но как врач-общественник трудился в Земском союзе по организации помощи раненым воинам. В 1915–1916 гг. «Русские записки»

опубликовали три очерка Елпатьевского о войне – «Три офицера» (1915, № 1), «Ничего не поделаешь» (1915, № 3), «О том, что будет» (1916, № 5)[Русские писатели, 1992, с. 228–230].

Военная публицистика Сергея Яковлевича Елпатьевского до сих пор предметом исторического научного исследования не являлась. Настоящая статья анализирует взгляды писателя на феномен героизма в годы Первой мировой войны.

В исследовании использовался метод контекстного анализа, где в качестве анализируемой единицы выступает работа Елпатьевского, а текстового окружения – разнообразные факты из истории Первой мировой войны. Этот подход и сопоставление взглядов писателя с идеями современной науки позволяют оценить представления Елпатьевского о «героизме» через призмы прошлого и настоящего.

1 августа (19 июля) 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, которую в Российской империи приняли что называется «на ура». Первые дни войны были отмечены многолюдными патриотическими манифестациями. Сплотиться вокруг трона и отразить «дерзкий натиск врага» призвал народ Николай II. И «могучий патриотический порыв» объединил всех. Философ Е.Н. Трубецкой комментировал: «Из всех событий, совершившихся за эти великие дни, самое крупное, бесспорно, тот духовный переворот, который мы пережили. В первый раз после многих лет мы увидели единую, целостную Россию. Такого объединения, какое мы видим теперь, я лично не помню, вот уже 37 лет, с самой турецкой войны 1877 года» [Трубецкой, 1914b].

Современники неоднократно отмечали улучшение морального климата в первые месяцы войны. Сдвиги касались не только политики, но и личной сферы. О том, что война нравственно преобразила людей писал и Елпатьевский. Поздравляя читателей «Русских ведомостей» с 1915 г. он делился любопытным наблюдением. Несмотря на то, что, казалось бы, мотивов для суицида предостаточно (безработица, ухудшение материального положения, гибель родных и близких, само обилие смерти), за месяцы, истекшие после начала войны, из провинциальных газет практически исчезли сообщения об идейных самоубийствах на почве потери человеком смысла существования. «Поднялась ценность жизни», – выводит публицист, – люди, охваченные огромным массовым подъемом, ушли от своих малых драм <...> их личная драма показалась маленькой в сравнении с тем, чем дрожит и пылает земля, со страшной драмой человечества» [Елпатьевский, 1915а, с. 4].

Начало войны, конечно, вызывало не только оптимизм, но и тревогу. В этом отношении характерно для российской публицистики представление войны в образе природного катаклизма. «19 июля 1914 <...> мировой сейсмограф отметил начало землетрясения», – писал в «Русской мысли» А.И. Изгоев [Изгоев, 1914, с. 160]. У Елпатьевского беспокойство за Отечество вообще преобладает: «Когда началась нынешняя война, то как-то все сразу, с первых же дней мобилизации почувствовали, что надвигается нечто неизбежное, огромное и страшное, что война грозит

великой бедой для России и потребует великих жертв от страны» [Елпатьевский, 1915b, с. 153].

Сочетание полярных эмоций современные физиологи объясняют балансированием адреналина и норадреналина в крови, вызванным инстинктом самосохранения. В этом смысле весьма интересны размышления редактора «Русского богатства» А.В. Пешехонова, сравнившего реакцию общества с поведением тяжелобольного в момент внешней угрозы. «Этот могучий порыв, — писал он, — хотя и показался многим неожиданным, был, в сущности, совершенно естественным. Так реагирует на внешнюю опасность всякий живой организм, — даже больной, даже израненный. Представьте себе <...> что на человека одержимого тяжким недугом и стонущего от невыносимых болей, нападут разбойники. Он ведь сразу прекратит стоны, забудет про свои боли и раны, соберёт и напряжёт все свои силы, лишь бы отстоять жизнь, которой угрожает опасность» [Пешехонов, 1914, с. 289].

Как известно, норадреналин мобилизует контрагрессию. Его приток необходим для мобилизации и победы над противником. По большому счету, на выработку этого гормона, возможно, сама того не ведая, и работает военная пропаганда, создавая образ врага.

У разных течений русской публицистики был свой образ противника. Основное внимание публицисты уделяли Германии. Другие участники четверного союза такого интереса не вызывали.

До войны восприятие Германии русской либеральной и радикальной интеллигенции было противоречивым. Русские либералы осуждали внешнюю политику Вильгельма II, а левые радикалы всегда ненавидели родственников Романовых — династию прусских императоров Гогенцоллернов. В то же время, авторитаризм и милитаризм Вильгельма II не препятствовали интеллигенции смотреть на Германию как на страну «высокой культуры», восхищаться и подражать немцам. Длительное время «наша передовая интеллигенция, — признавал современник, — воспитывалась и духовно росла в значительной степени на идеях и фактах новейшей истории Германии». «Любовь и уважение» к германской культуре, в частности, прививали «Русские ведомости», подробно освещавшие реалии внутренней политики Германии [Берлин, 1914, с. 82].

С началом боевых действий, однако, восприятие Германии даже в левой и либеральной печати упрощается до оппозиций «свой / чужой», «друг / враг», «мир» / «война», «патриотизм» / «национализм». Тем не менее, некоторые рассуждения об идеологии «воинственного германизма» не лишены здравого смысла.

В либерально-демократическом лагере, к которому относился Елпатьевский, особенно осуждались германский милитаризм и крайний национализм немцев. Трубецкой, например, сравнивал германизм с язычеством. Поклонение нации, утверждал он, воскрешало первобытный тотемизм. За сорок лет прошедших с момента объединения Германии в 1871 г. изменилась даже немецкая эмоциональность.

Что случилось с «добрыми немцами, сентиментальными и мечтательными?», – сокрушался историк В.П. Бузескул [Бузескул, 1914, с. 24]. В свою очередь, Елпатьевский замечал, что сегодня «сентиментальность стала ругательным словом в Германии» [Елпатьевский, 1914].

Рассуждения о немцах обычно заканчивались сравнением с русскими и выводом о моральном превосходстве русских над немцами.

«Нам претит, – писал Трубецкой, – навязывание другим народам нашей собственной национальной физиономии; напротив типическая особенность русского характера есть именно восприимчивость к чужому, тонкое и сочувственное понимание всего индивидуального и своеобразного, что есть в культурах других стран» [Трубецкой, 1914d, 1914e].

Поэтому «русский национализм» с его насильственной русификацией, антисемитизмом и агрессивным империализмом с точки зрения либералов был инородного, немецкого происхождения. Война, считали они, даёт шанс и российскому государству, и обществу избавиться от «внутреннего немца», который «доселе сказывался в несправедливом отношении» «к другим народностям» [Трубецкой, 1914c].

В этой связи интеллигенция обращала внимание на рост антинемецких настроений как в политике, так и в быту. Цель германофобии умышленно раздуваемой правыми, считали демократы, заключается в отвлечении общественного внимания от внутренних злободневных проблем. Травля русских немцев, мирно проживавших в России не одно столетие, подвергалась в демократических журналах резкой критике.

Собственно борьба с «внутренним немцем» есть лейтмотив статьи Елпатьевского «Ничего не поделаешь». Писатель утверждал: к 1915 г. в русском обществе сложилась «некоторая разница в отношении к войне между верхами и низами России». «Для народа война, прежде всего и больше всего была и есть оборонительная война», которая носит «миролюбивый» характер (то есть от любви к миру, а не к войне), её цель – «защита Отечества». Такой же, «она была в начале и для культурных слоев». Однако, «оборона постепенно переходила в наступление». В результате, «в некоторых культурных кругах, обслуживаемых националистическими газетами», появились «агрессивные ноты и требования уничтожения германского милитаризма, вплоть до принудительного расчленения единой германской империи», «возникла ненависть к немцу не как к врагу, а просто к немцу, даже к внутреннему, своему, русскому немцу» [Елпатьевский, 1915b, с. 153].

По мнению Елпатьевского, существование двух противоположных взглядов на войну есть следствие различий крестьянской психологии («психологии народа и общества») и психологии «городских людей», «культурных слоёв». Демонстрируемые отечественными националистами «голые, неприкрытые чувства мести, злой и беспощадной», Елпатьевский считал чуждыми психологии русского народа и ложными формами патриотизма.

Понятие «психология», которое в своей работе использовал писатель, близко к современному термину «ментальность». Его можно понимать как исторически сложившуюся систему социокультурных установок, формирующих у личности то или иное восприятие фактов и ценностей войны. «Средний культурный читатель, – делился своими наблюдениями Елпатьевский, – после официального сообщения о ходе войны набрасывается в газетах на корреспонденции и письма и ... прежде всего выискивает (в них) героические подвиги, индивидуальные проявления мужества, героизма и просто удачливости». Тогда как солдаты-крестьяне «как-то проходят мимо проявлений индивидуальной храбрости», они «по-старому говорят: “мы пошли” “мы залегли”, а он так-то поступил; говорят: “ихние” и “наши”. Различно в двух социальных группах «принимается и понимается война, по-разному понимаются и расцениваются храбрость и героизм, индивидуальные подвиги и массовые жертвы» [Елпатьевский, 1915b, с. 155].

Различия в восприятии войны Елпатьевский объяснял с историко-психологической точки зрения как результат «общественной жизни, и той духовной эволюции, которую переживали народ и общество». Представления писателя об историческом процессе похожи на идеи таких крупнейших историков-позитивистов начала XX в. как В.О. Ключевский и П.Н. Миллюков. Подобно Ключевскому решающую роль в формировании Русского государства он отводил природной среде – русской равнине. История России виделась Елпатьевскому непрерывной колонизацией, «расползанием» по «широкому простору ровного места». Необходимость адаптации к природной среде выработала у русского народа определенный способ ее освоения, образ жизни, характерной чертой которого является взаимозависимость людей друг от друга или, по выражению автора, «действие скопом, коллективами, и малая роль в этом складывании России индивидуальных волей». Именно таким путем у русских, в трактовке исследователя, исторически сформировалась психология коллективизма, где интересы группы стоят над личными интересами. Следует заметить, что, по мнению современных ученых, в коллективистской психологии «Я» определяется с точки зрения группового членства. Эта идея находит подтверждение у Елпатьевского, когда он характеризует народную психологию русских: «в коренных русских деревнях можно еще наблюдать малую отделенность и обособленность русского человека – то “мы” как и теперь говорит о себе русский крестьянин». Таким образом, русский крестьянин осознает себя членом общества не как автономный индивид, а как представитель конкретной общины, конкретного «мира». В то же время крестьянское «мы» для писателя – это не только «мир». «Русский народ... государственник», а значит, воспринимает себя в качестве члена большого государства – общины. «Киевские “мы” решили, что нельзя оставаться на старом месте, и поехали во Владимирскую область, – и не “я”, Андрей Боголюбский, складывал и строил новую Россию. Нижегородские “мы” решили, что нельзя давать развалиться русскому государству, и пошли, и наладили русское государство». Такой подход, с точки зрения Елпатьевского, и определяет отношение русских «общинников» к войне вообще, которое писатель называл «не военной психологией войны» [Елпатьевский, 1915b, с. 159].

«Строительство России» рисовалось автором как история «бесчисленных войн». Однако войны эти, по его мнению, были неизбежным следствием процесса колонизации и не носили агрессивный, захватнический характер. Со ссылкой на Милюкова он определяет их как «непрерывную оборонительно-наступательную подвижку к теперешним границам». Поэтому война для русских, с одной стороны «всегда была... тяжелым, горьким делом, народным бедствием вроде глада и мора». С другой — осознанная необходимость — «нужное, неизбежное дело, которое — ничего не поделаешь — надо делать, и всегда видел в войне не дело личного подвига, а общественное, государственно-мирское дело, оборону своего мира-государства от врага». Отсюда, дух милитаризма, считал Елпатьевский, не свойственен крестьянской психологии в принципе. «В народе никогда не возникало идей завоевания мира». Война не воспринималась русскими и как средство для реализации своей особой миссии в мире, «ни в смысле западноевропейских религиозных войн и крестовых походов, хотя он и воевал за болгар против турок; ни в смысле настроения первых наполеоновских войн». В крестьянском сознании нет склонности к шовинизму — «враг оставался для него только неприятелем, которого нужно было победить или прогнать, а не немцем, французом, турком» [Елпатьевский, 1915b, с. 159].

Шовинизм «верхов», считал писатель, резко противоположен принципам терпимости, милосердия и христианского человеколюбия, на которых русские традиционно строили межнациональные отношения. «Приходя в общение за свою долгую жизнь с многочисленными и многообразными народностями, встречавшимися на пути русского шествия, ассимилируя их, а иногда и ассимилируясь ими, но всегда как-то умея понимать их и устраивать с ними невоенную жизнь, русский народ выработал в себе ту широкую терпимость, ту специальную способность сживаться со всеми, которая так несовместима с узкой национальной обособленностью и так глубоко чужда тесному и злобному национализму, который охочие люди упорно и пока бесплодно стремятся привить русскому народу» [Елпатьевский, 1915b, с. 160].

Образ «миролюбивой» русской истории у писателя противопоставлялся «воинственному» образу истории западноевропейской. Отечественный исторический процесс виделся ему «незаметным, не отмечавшимся крупными этапами шествием русского народа к тому, к чему он пришел». В нем «мало было событий, отдельных глав, так сказать, абзацев истории, вроде тех, которыми отмечена, например, история Англии, пережившей три завоевания, тех этапов, чрез которые прошли Австрия, Франция, Италия и Испания». Если русская история не «требовала от людей яркого и выпуклого проявления своей индивидуальности», то западноевропейская, напротив, выглядит как постоянное внешнее соперничество народов друг с другом и, кроме того, как «борьба внутренних сталкивающихся сил», в которой «пышно расцветали и проявляли себя индивидуальные воли».

«Обособленными людьми, яркими личностями, теми, что принято называть героями, полна история Западной Европы». Следовательно, и отношение к

проявлению человеком в экстремальных условиях войны таких качеств как героизм, подвиг, храбрость, в русской и западноевропейской культурах неодинаково. Западноевропейец, как полагал исследователь, судит о них через призму ценностей индивидуализма, в то время как русский – с позиций коллективизма. Эти психологические установки, с точки зрения писателя, находят свое отражение в памятниках материальной и духовной культуры (монументализм, эпос и т.п.) Запада и России: «Если как-то странной покажется попытка выбрать из русской истории отдельных лиц, которых можно было бы сопоставить с историческими и созданными народным эпосом западноевропейскими фигурами героев и рыцарей, если Илья Муромец, Святослав, Ермак и Минин, и даже Петр... как то плохо уместятся в понятие о западноевропейском герое и рыцаре, то еще характернее будет отношение народа к героям и крупным индивидуальностям». Для коллективиста социальная идентичность более значима, чем личностная, базовыми единицами социального восприятия выступают группы. Проявление этой черты коллективистской психологии Елпатьевский находил и в русском фольклоре. В русских эпосах поэтому «серьезный» герой может быть таковым только в сопряжении с какой-либо общностью. «Степенного, медлительного, не бахвала муромского мужика, делающего мирское дело, былины зовут Илья Муромец..., и Ермака зовут по отчеству Тимофеевич». «Несомненного героя и именно яркого выразителя индивидуальной воли называют Васька Буслаев, – как озорников, ненастоящих несерьезных людей зовут» [Елпатьевский, 1915b, с. 163].

Таким образом, в основе межкультурных отличий двух групп русского общества, с точки зрения Елпатьевского, находится оппозиция коллективизма и индивидуализма. По мнению писателя, культура «городских» и «культурных» людей России начала XX в. являлась по своему характеру индивидуалистической, следовательно, не свойственной национальной традиции. «Быть может, нужно сказать больше, что вообще коллективная, групповая и массовая психология не согласуется с индивидуальной психологией и до известной степени враждебна далекому продвижению индивидуальных линий. “Мы”, “вообще” и “сообща” противоречивы и даже враждебны “я”, частному, отдельному, яркому проявлению индивидуальной личности».

Отсюда и происходит, по словам Елпатьевского, «значительное расхождение в понимании и оценке того», что в обеих социальных группах «называется героизмом». Представления «культурных людей», воспитанных на романтических образах, «на Леониде Спартанском, на Роллане, Ричарде Львином Сердце, на рыцарях и крестоносцах» не согласуются с народными, они «считают героизмом то, что не определяется народом, как героизм».

«Если употреблять это парадное и немного чуждое русскому языку слово, – утверждал писатель, – то в народном понимании, – не в вульгарном истолковании лубочных картин – героем явится военачальник, который в порядке, как должно для дела, ведет в бой свой полк, свою армию, а не тот, кто зря высказывает и зря кладет свою голову, и герой будет тот солдат, который до конца наивысшим образом делает свое солдатское дело и кладет голову, так сказать, в порядке, когда это

нужно для дела, а не тот, кто проявляет только личную удачу или которому по тому или иному случаю удалось заколоть десять-пятнадцать человек» [Елпатьевский, 1915b, с. 163-164].

Свои мысли Елпатьевский иллюстрировал примерами, взятыми из произведений Л.Н. Толстого. Он пришел к выводу, что более всего психологический тип «русского солдатства» отражен в «наиболее обласканных всей толстовской художественной лаской», образах Каратаева («круглый») и капитана Тушина. Это, с точки зрения исследователя, герои «без героизма в привычном понимании героизма», которые «не думают и не подозревают, что они делают геройское дело». Тогда как характер героизма у «дворянских» персонажей «Войны и мира», по мнению исследователя, не соответствует национальной психологии, что передаёт отношение к ним самого автора. Долохов, по Толстому, рассуждал Елпатьевский, «прежде всего дурной, не хороший человек», такого крестьяне назвали бы «словом озорник». Князь Андрей Болконский, считал он, «несомненный герой даже с внешней стороны», однако «Толстой упорно и не один раз подчеркивает, что он все хотел быть под-Наполеона и все ждал своего Тулона, и тем самым подчеркивает, так сказать, не русский характер его героизма» [Елпатьевский, 1915b, с. 165].

Характерно, что в «небывалом» «добровольческом движении из городов, притом из всех слоев городского населения, людей разных национальностей» на фоне сравнительно редких случаев добровольного вступления в армию крестьян в лето 1914 г. Елпатьевский видел закономерное отражение особенностей восприятия действительности разными типами культур. Русскую общину, в его трактовке, можно понимать как некую пропитанную духом коллективизма, самоорганизующуюся целостность, в которой каждый её член, инстинктивно понимает общую задачу. Это обстоятельство и определяет специфику патриотического настроения русских крестьян. «Те, кто ведет войну, очевидно, взяли столько нужно для делания войны. Им виднее, значит, столько нужно и нечего лезть, ненужно делать преизбыточного лишнего, не требуемого делом, — коллективным делом, где не индивидуальные воли обеспечивают успех дела». В то же время, писатель был убежден, что традиционная культура по-прежнему имеет в сознании «городских людей» глубокие корни, поэтому ценности «воинственного», «европейского» индивидуализма, даже для них, все еще остаются поверхностными и проходящими. «Средний обыватель, начитавшийся своей газеты, тоже возмущается против немцев, а выйдет на улицу, увидит пленного немца, худого, истощенного, плохо одетого — пожалеет, поскорбит. Так уж душа сложилась, и газетные листы не так скоро стирают и ломают старую народную психологию...» [Елпатьевский, 1915b, с. 161].

Историко-психологические построения Елпатьевского вызывают вопросы. Расширение Российского государства происходило не только в результате оборонительных войн, но и наступательных войн. Писатель почему-то не отметил коллективного начала в национализме. Имя древнерусского героя Пересвета не указывает на его связь с общиной. Сила, храбрость всегда ценились в народе.

Вместе с тем в идее Елпатьевского о наличии у крестьян «не военной психологии войны» есть рациональное зерно. В сословном обществе каждое сословие имело четко обозначенные функции. Воевать должны были дворяне. Молиться — священники. Крестьяне — кормить тех и других. Рекрутчина была для крестьянина той же повинностью, как и денежная, которую он платил государству за свою безопасность. Здесь действительно «ничего не поделаешь». Однако противопоставление военного сословия и русских крестьян выглядит у Елпатьевского антагонистично, что едва ли правильно. О военной доблести славян писали еще Иордан и Прокопий Кесарийский.

Следует также заметить, что некоторые идеи Елпатьевского предвосхитили выводы современной науки, которая признает идею о доминировании «коллективистской психологии» в условиях традиционного общества. Так, американский этнопсихолог Дж. Брунер считает, что «индивидуалистическая ориентация характерна для современных культур, а коллективистическая ориентация — для традиционных культур, в которых «субъективизм личности не культивируется; наоборот поддерживается идея реальности, единства человека и мира». Ценностная ориентация выступает одним из основных культурных факторов, «обуславливающих познавательное развитие». Таким образом, в основе объяснения данной закономерности лежит все та же позитивистская мысль о жизни как «непрерывном приспособлении внутренних отношений к внешним». Отсутствие власти человека над средой Брунер напрямую связывает с коллективистической ориентацией: «так как индивид традиционного общества не располагает возможностями влиять на условия среды, он меньше отделяет себя от физического мира и других индивидов» [Стефаненко, 1999, с. 180–183].

Таким образом, наблюдения Елпатьевского представляют собой описание переходной фазы русского самосознания от традиционного состояния к модерну. Русская армия в годы Первой мировой войны оставалась по своему составу крестьянской. Очень важно было то, что русская деревня приняла войну, поскольку из всех принимающих участие в войне государств, только Россия выставила «сельско-крестьянское войско» против «промышленно-городского» [Качоровский, 1915, с. 332–334]. Русские патриоты считали, что это обстоятельство дает русской армии значительные морально-психологические преимущества перед противниками. Аналогично рассуждал Елпатьевский. Хотя, писал он, за последние сто лет «психология и народа, и армии претерпела значительное изменение» и «индивидуальные линии продвинулись значительно в толще коллективной психологии», тем не менее, отношение к «настоящей войне» массы населения и армии «остаётся в основе прежним, давним, исконным русским отношением». Высокий моральный дух — это прекрасно, однако, с другой стороны, русская армия оказалась в сильной зависимости от крестьянских настроений. Писатель предупреждал: «армия сделает до конца своё дело и если не победит и не сломит врага, то только тогда, когда война» не будет соответствовать своему народному образу, то есть «будет ненужная, лишняя, по её мнению, или когда это будет не от неё от армии зависеть»

[Елпатьевский, 1915b, с. 166]. Февральская революция стала для крестьянского сознания с его патриархальной верой в доброго царя – катастрофой. Не удивительно, что солдаты-крестьяне после этого быстро потеряли к войне всяческий интерес. А новые примеры героизма, которые предлагала пропаганда Временного правительства, не убеждали. Обратной стороной коллективистского сознания была инертность, пассивное отношение к общественной жизни. Крестьянина больше волновал грядущий передел земли в его деревне, чем Босфор и Дарданеллы. Брестский мир сделал подвиги солдат русской армии (индивидуальные, коллективные – не важно) бессмысленными.

Разочаровался в войне, а потом в Февральской революции и Елпатьевский. После Октябрьской революции он жил в Москве, работал в поликлинике при Кремлевской больнице, где лечил Ленина. Его дочь Людмила, баронесса Врангель, была вынуждена эмигрировать во Францию из-за причастности ее мужа Николая к белому движению [Российское зарубежье во Франции, 2008].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Берлин П. Две Германии // *Война. Альманах*. 2-е изд. М.: Меч, 1914. С. 81–91.
- Бузескул В.П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия // *Русская мысль*. 1915. № 2. С. 24–55.
- Изгоев А.С. На перевале. Перед спуском // *Русская мысль*. 1914. № 8–9. С. 160–167.
- Елпатьевский С.Я. Охота на немцев // *Русские ведомости*. 1914. 12 октября. № 235.
- Елпатьевский С.Я. Под грозой (очерки провинциального настроения) // *Русские ведомости*. 1915а. 1 января. № 1.
- Елпатьевский С.Я. Ничего не поделаешь (О войне, о русской храбрости, героизме и о прочем) // *Русские записки*. 1915b. № 3. С. 153–166.
- Качоровский К.Р. Война и крестьянский мир // *Бюллетени литературы и жизни*. 1915. Ноябрь. № 6. Литературный отдел. С. 332–334.
- Пешехонов А.В. На очередные темы. Единая Россия // *Русское богатство*. 1914. № 9. С. 293–323.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
- Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. Т. 1.: А–К. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. 796 с.
- Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. 623 с.
- Трубецкой Е.Н. Патриотизм против национализма // *Русские ведомости*. 1914а. 2 августа. № 177.
- Трубецкой Е.Н. Смысл войны // *Русские ведомости*. 1914b. 8 августа. № 181.

Трубецкой Е.Н. Победа // *Русские ведомости*. 1914с. 4 сентября. № 204.

Трубецкой Е.Н. Возрождение Польши и русский вопрос // *Русские ведомости*. 1914д. 28 октября. № 248.

Трубецкой Е.Н. Что с ними сделалось? // *Русские ведомости*. 1914е. 2 декабря. № 277.

REFERENCES

Berlin P. Dve Germanii [Two Germany], in *Voyna. Al'manakh* [War. Almanac]. 2-ye izd. M.: Mech, 1914. Pp. 81–91 (in Russian).

Buzeskul V.P. Sovremennaya Germaniya i nemetskaya istoricheskaya nauka XIX stoletiya [Modern Germany and German Historical Science of the XIXth Century], in *Russkaya mys'*. 1915. № 2. Pp. 24–55 (in Russian).

Izgoyev A.S. Na perevale. Pered spuskom [On the pass. Before the descent], in *Russkaya mys'*. 1914. № 8–9. Pp. 160–167 (in Russian).

Yelpat'yevskiy S.Ya. Okhota na nemtsev [Hunting the Germans], in *Russkiye vedomosti*. 1914. 12 Oktyabrya. № 235 (in Russian).

Yelpat'yevskiy S.Ya. Pod grozoy (ocherki provintsial'nogo nastroyeniya) [Under a thunderstorm (sketches of the provincial mood)], in *Russkiye vedomosti*. 1915a. 1 Yanvarya. № 1 (in Russian).

Yelpat'yevskiy S.Ya. Nichego ne podelayesh' (O voynе, o russkoy khrabrosti, geroizme i o prochem) [Nothing can be done. (On the war, on Russian courage, heroism and other)], in *Russkiye zapiski*. 1915b. № 3. Pp. 153–166 (in Russian).

Kachorovskiy K.R. Voyna i krest'yanskiy mir [War and the peasant world], in *Byulleteni literatury i zhizni*. 1915. Noyabr'. № 6. Literaturnyy otdel. Pp. 332–334 (in Russian).

Peshekhonov A.V. Na ocherednyye temy. Yedinaya Rossiya [On the next topics. United Russia], in *Russkoye bogatstvo*. 1914. № 9. Pp. 293–323 (in Russian).

Stefanenko T.G. *Etnopsikologiya* [Ethnopsychology]. M.: Institut psikhologii RAN, "Akademicheskii proyekt", 1999. 320 p. (in Russian).

Rossiyskoye zarubezh'ye vo Frantsii 1919–2000 [Russian writers. 1800–1917: Biographer vocabulary.]. L. Mnukhin, M. Avriil', V. Losskaya. T. 1.: A–K. M.: Nauka; Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, 2008. 796 p. (in Russian).

Russkiye pisateli. 1800–1917: Biograf. Slovar' [Russian writers. 1800–1917: Biographer vocabulary.] / Gl. red. P.A. Nikolayev. T. 2: G–K. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1992. 623 p. (in Russian).

Trubetskoy Ye.N. Patriotizm protiv natsionalizma [Patriotism against nationalism], in *Russkiye vedomosti*. 1914a. 2 avgusta. № 177 (in Russian).

Trubetskoy Ye.N. Smysl voyny [The meaning of war], in *Russkiye vedomosti*. 1914b. 8 avgusta. № 181 (in Russian).

Trubetskoy Ye.N. Pobeda [Victory], in *Russkiye vedomosti*. 1914c. 4 sentyabrya. № 204 (in Russian).

Trubetskoy Ye.N. Vozrozhdeniye Pol'shi i russkiy vopros [The revival of Poland and the Russian question], in *Russkiye vedomosti*. 1914d. 28 oktyabrya. № 248 (in Russian).

Trubetskoy Ye.N. Chto s nimi sdelalos'? [What happened to them?], in *Russkiye vedomosti*. 1914e. 2 dekabrya. № 277 (in Russian).